

Мокшина Светлана Рифкатовна

МОТИВ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАСТИ В ЦИКЛЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ "КОМЕДЬЯНТ" (ЧАСТЬ II)

В статье проанализирован поэтический цикл Марины Цветаевой "Комедьянт". Автор акцентирует внимание на том факте, что лирическая героиня преодолевает в себе греховную страсть, вновь становясь Поэтом-Психеей, Душой, обращенной к Совестью. Новизна данного исследования заключается в том, что цикл "Комедьянт" рассматривается и анализируется как единый текст, а не как цель разрозненных стихотворений, объединенных общей темой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. II. С. 109-112. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье проанализирован поэтический цикл Марины Цветаевой «Комедьянт». Автор акцентирует внимание на том факте, что лирическая героиня преодолевает в себе греховную страсть, вновь становясь Поэтом-Психеей, Душой, обращенной к Совести. Новизна данного исследования заключается в том, что цикл «Комедьянт» рассматривается и анализируется как единый текст, а не как цепь разрозненных стихотворений, объединенных общей темой.

Ключевые слова и фразы: поэтический цикл; тело; душа; мотив преодоления страсти; эволюция лирической героини.

Мокшина Светлана Рифкатовна*Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета**S-Ibragimova@yandex.ru***МОТИВ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРАСТИ
В ЦИКЛЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ «КОМЕДЬЯНТ» (ЧАСТЬ II) ©**

Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ № В14-38.

Оппозиции брненное-вечное, телесное-душевное, Ева-Психея являются основополагающими для всего творчества Марны Цветаевой, в том числе и для стихотворения «**Бранные губы и бранные руки**». Образы рук и губ – символы греховной любви лирической героини, соблазна, который она не в силах преодолеть, давая волю телу, плоти над душой, но может воспеть.

Разочарованная «кутежом» и безответным чувством (если читать «Комедьянт» как единый текст, а не как единичные разрозненные стихотворения), лирическая героиня ищет утешения в обращении к вечности, рокот которой для нее ранее звучал «глуше». Постепенно власть брнного и земного над лирической героиней ослабевает, и женщина-поэт снова обращает свой лик к творчеству и Духу. Осознание своего поэтического дара как особого призвания и предназначения – уже сложившаяся в русской литературе поэтическая традиция, восходящая к «Пророку» Пушкина, а через него к Державину. Отсюда и образ божественного гласа, принадлежащего Высшим силам (Творцу, Музе, Серафиму, Ангелу), и вызывающего к поэту о его Душе.

Упоминание вечной Души отсылает читателя к блоковскому философскому и поэтическому идеалу Вечной Женственности, воплощающему силы Небесного мира. Характерно, что призыв Высших Сил звучит именно «в предутренний час» – для Марины Цветаевой это «час» души (один из стихотворных циклов Цветаевой, написанный в 1923 году, неслучайно назван «Час души» [4, с. 210-212]).

Обращение к теме Души влечет за собой появление лексики, создающей ощущение торжественности и возвышенности (глас, брнные), т.е. иного качества, нежели в предыдущих стихотворениях цикла.

Совершенно иными настроениями наполнено стихотворение «**Не поцеловали – приложились...**», проникнутое авторской иронией: встреча двух равнодушных друг к другу людей стала подобна свиданию призрака с покойницей:

– Так прошло – что у людей зовётся –
На миру – любовное свиданье.

Холодность возлюбленного поэт объясняет его эфемерностью:

Может быть – Вы на земле не жили,
Может быть – висел лишь плащ на стуле [3, с. 459].

Реализуется сюжет, обратный сказке о спящей царевне: возлюбленный как будто умертвляет своим поцелуем лирическую героиню, ее сердце прекращает биться: «Руку на сердце кладу – не бьется». Цветаева обыгрывает фразеологическое выражение «положа руку на сердце», что работает на создание комического эффекта. Лирическая героиня настолько равнодушна к бывшему избраннику, что ей требуется проверить, бьется ли ее сердце, положи на него руку. В этой иронии есть глубокий подтекст: автору необходимо хотя бы метафорически умертвить тело лирической героини, чтобы воскресла душа.

«**Друзья мои! Родное триединство!**...» – единственный текст «Комедьянта», в котором Цветаева обращается к своим театральным друзьям, а не к одному персонажу. Все герои стихотворения связаны между собой не только дружбой и театром, но и темой памяти / забвения: все они забывчивы в разной степени, по возрастианию: первый – запомнил имя, второй – не помнит даже «этого», третий – забывший даже свое имя (от бытия). Каждому из актеров посвящена отдельная строфа. Вторая – обращение к «пылкому» Антокольскому, она единственная из всех повествовательна. Третья и четвертая – обращения к Завадскому и Алексееву – восклицательные. Первая и пятая строфы обрамляют (окружают) посвящения каждому по отдельности и являют собой обращения ко всему «триединству» друзей в Москве, которая нарисована особыми красками: она и советская, и якобинская, и Маратова. В пятой строфе появляется образ самой Цветаевой:

И, упражняясь в старческом искусстве
Скрывать себя, как чёрный бриллиант,
Я слушаю вас с нежностью и грустью,
Как древняя Сивилла – и Жорж Занд [Там же, 460].

Мотив состарившейся «оболочки» с драгоценной «сердцевинной» («чёрный бриллиант») прямо назван автором в процитированном нами отрывке, но он ещё больше усиливается образами древней Сивиллы и Жорж Занд. В письме к А. В. Бахраху Цветаева, цитируя овидиевскую Сивиллу, писала: «Мои жилы иссякнут, мои кости высохнут, но ГОЛОС, ГОЛОС – оставит мне судьба! (Сивилла, согласно мифу, испросила Феба вечной жизни, забыла испросить себе вечной молодости! Не-случайная забывчивость!)» [5, с. 561].

Тема поэта и поэзии, обладателя «ГОЛОСА» не исчерпывается сопоставлениями с указанными историческими и мифологическими персонажами, она поддерживается отчетливыми реминисценциями на стихотворение Пушкина «19 октября 1825»: неявное цитирование Цветаевой пушкинской строчки «Друзья мои, прекрасен наш союз!» («Друзья мои! Родное триединство!..»), прямое обращение к друзьям: Антокольскому, Завадскому, Алексею (у Пушкина к Корсакову, Матюшкину, Дельвигу, Кюхельбекеру, Пушину), упоминания о музах в выражении «любимец хладных муз»: (у Пушкина «Служенье муз не терпит суеты»), тема памяти (в «19 октября 1825» это память о Лицее, о друзьях).

Пушкинские темы продолжают в стихотворении «**В ушах два свиста: шелка и метели!**». Ассоциативным фоном для стихотворения выступают сразу два произведения: пушкинская «Метель» и написанная под ее влиянием в 1918 году пьеса Цветаевой «Метель». Вообще Пушкин имплицитно присутствует во всем цикле. Это объясняется всеми пушкинскими настроениями и ассоциациями, которыми были окрашены встречи Цветаевой с актерами театра [6, с. 176, 180].

Мотивы движения, свиста, струения и круговерти на этот раз подхвачены образами шелка и метели, души и крови. Получившие «всё, чего хотели», герои знают, что чувства восторга и любви, так страстно завладевшие ими, недолговечны («Вы – мой восторг – до снеговой постели, / Я – Вашу смертную любовь» [3, с. 460]). Отсюда и противоречие между «дышащей» кровью (символизирующей земную жизнь, страсть) и душой, которая «бьется», жаждет чего-то большего, вечного, нежели мимолетного чувства. Кровь и душа не только выступают в оппозиции друг к другу, но и меняются функциями: «Бьется душа – и дышит кровь». Такой прием позволяет автору подчеркнуть ситуацию «кружения сердца», сильнее вихря чувств, в котором все переворачивается с ног на голову.

В первой строфе стихотворения «**Шампанское вероломно...**» центральное место занимает образ розового шампанского как аллегория любви. Шампанское немыслимо без пены, а для Цветаевой пена – это нечто бренное, легкомысленное, временное. Эту мысль Цветаева неоднократно подчеркивает в своих письмах и стихотворениях («Кто создан из камня, кто создан из глины...» [Там же, с. 534-535], «Психея» [Там же, с. 508-509], письмо к Е. Ланну от 16 июня 1921 г. [5, с. 181]). Лирическая героиня сознательно идет на авантюру, на риск – «А всё ж наливай и пей! / Без розовых без цепей / Напишись в могиле тёмной!» [3, с. 460].

Вторая строфа посвящена образу возлюбленного. С первого взгляда на строки бросаются в глаза неопределенность и непостоянство лирического героя: «Ты мне не жених, не муж, / Твоя голова в тумане... / А вечно одну и ту ж – / Пусть любит герой в романе!» [Там же]. Знаменателен образ «головы в тумане»: с одной стороны, лирическая героиня пьяна от риска, от восторга, а может быть, и от шампанского, поэтому все вокруг становится туманным. С другой стороны, туман – сквозной образ всего цикла. Есть и третье объяснение: спутник героини – легкомысленный и самовлюбленный актер, неспособный на истинные чувства.

Тему шампанского продолжает стихотворение «**Скупают после кутежа...**». Но шампанское здесь как символ легкости и беззаботности противостоит вязкой «патоке любовной правды».

Герои стихотворения снова равновелики друг другу, именно поэтому лирическая героиня напоминает своему возлюбленному о том, что и ее чувства не будут вечными:

Не обманись! Ты знаешь сам
По злomu холодку в гортани,
Что я была твоим устам –
Лишь пеною с холмов Шампани [Там же, с. 460-461]!

Лирическая героиня становится неуловимой, как пена. Кроме того, образ пены может намекать на пенно-рожденную Афродиту [1, с. 49].

Тема кружения достигает апогея в стихотворении «**Солнце – одно, а шагает по всем городам...**». Центральным образом стихотворения – солнце, которое само по себе есть круг. Более того, поэт употребляет выражение «вертеться в кругу», в котором оба слова имеют значения, схожие друг с другом. Эффект усиливается с помощью кольцевой композиции стихотворения, но начинается оно утверждением («Солнце – моё. Я его никому не отдам»), а заканчивается обращением к солнцу («Солнце мое! Я тебя никому не отдам!»).

Лирическая героиня присваивает солнце себе, что позволяет говорить о разрастании ее чувств до космических масштабов: сама лирическая героиня становится равновеликой солнцу, а может быть, даже больше него.

Прославлению недолговечной любви и веселого легкомыслия посвящено стихотворение «**Да здравствует чёрный туз!**...». Знаком черного туза – символом беды и удара отмечен «союз тщеславья и вероломства».

Лирическая героиня понимает и принимает отрицательные стороны своей женской природы («Я лживую кровь свою / Пою – в вероломных жилах», «Да здравствует красный бант / В моих волосах весёлых!» [3, с. 461-462]). Для нее не секрет, что союз с комедьянтом недолговечен. Героиня покоряется судьбе, зная, что ее ждут

«грядущие» «вероломные милые», и у лирического героя впереди будет много «роковых любовниц». Примечательно, что слово «любовниц» рифмуется в стихотворении со «смоковницами», что рождает ассоциации с библейским текстом. Налицо противопоставление «я-они»: ни одна будущая возлюбленная комедьянта не сможет затмить лирическую героиню с ее поэтическим даром. С другой стороны, лирическая героиня чувствует вину за то, что отдается мимолетному чувству, укрываясь от палящего солнца правды в прохладную тень греха, в то место, которое проклято самим Христом. Иными словами, героиня совершает нечто неугодное Богу.

Эта же мысль подхвачена стихотворением «**Сам Черт изъявил мне милость!**». Итоговое стихотворение цикла «Комедьянт» являет собой покаяние лирической героини в своем самом большом грехе – она «забыла Лик», т.е. свое божественное предназначение: быть Поэтом и верной женой. Тело и плотское вышло на первый план и вытеснило Душу (в словаре Даля указано, что слово «совесть» может употребляться в значении «душа»). Но Вечное всегда побеждает, и «шальная, чумная ночь» уступает свету Совести и раскаяния.

Стихотворение разделено на два оппозиционных семантических поля: одно из них относится к Совести (совесть есть божественный глас в наших душах), другое – к Черту, а для создания особого эффекта в противоположные поля автор помещает созвучные словосочетания, слова и паронимы:

Совесть, Бог	Черт
«Красная кровь» (священная война, долг, честь, жизнь и смерть)	«Красные губы» (греховность, страсть, плотские наслаждения)
«легион гигантов» (славянское, библейское понятие, возвышенное «имя им – легион»)	«банда комедиантов» (оба слова имеют отрицательную окраску)
«редел», «лилась» (слова с нейтральной окраской)	«братались», «льстилась» (слова с отрицательной коннотацией)
ассоциативно, имплицитно: почти спартанская стойкость воинов	«хребет вероломства гибок»
«Совесть», «Ангел», «Лик»	«Черт»
«утро», «день»	«сплошная шальная, чумная ночь»

Видеть в поэте необычного человека, пророка, наделенного особой миссией, – продолжение пушкинской традиции. Цветаева трансформирует ее: лирическая героиня побеждает в себе Еву – телесность и чувственность, вновь становясь собой – Поэтом-Психеей, Душой, обращенной к Совести. Другими словами, на глазах читателя происходит эволюция лирической героини.

Итоговое стихотворение цикла «Комедьянт» «**Сам Черт изъявил мне милость**» утверждает преодоление лирической героиней «метафорического блуждания» в «пространстве собственного замкнутого сознания» [2, с. 248], понимание важности, первостепенности поэтического дара перед человеческой, плотской природой, и возвращение к духовности.

В поэтическом цикле «Комедьянт» Марина Цветаева создает целый вихрь различных реальных и мифологических времен и эпох: время Ветхого Завета, XVII век Казановы, XIX век Диккенса и Пушкина, Москва 1919 года. Вслед за поэтическим временем в лирическом герое сливаются и переплетаются библейский Змей-искуситель, Казанова, Лозэн, биографические черты Юрия Завадского.

Автор ещё больше акцентирует внимание читателя на теме вращения и кружения с помощью следующих приемов:

1) выстраивая кольцевую композицию стихотворений «Я помню ночь на склоне ноября...», «Не успокоюсь, пока не увижу...», «Вы столь забывчивы, сколь незабвенны...», «Мне тебя уже не надо...», «Ваш нежный рот – сплошное целованье...», «Солнце – одно, а шагает по всем городам...»;

2) включая в стихотворения цикла образы, обозначающие круг, овал: «кружащееся сердце», кудри, перстенек (кольцо), солнце, круг;

3) наполняя стихотворения «вертящимся» движением, т.е. мотивами кружения.

Таким образом, соединяя в цикле «Комедьянт» различные эпохи и трансформируя мифы, расширяя пространство и преодолевая время, преображая творческой фантазией автобиографические факты, Марина Цветаева создает особый, удивительный, зримый и звучный мир, отражающий «кружение сердца» поэта, его внутренние переживания и чувства.

Список литературы

1. **Войтехович Р. С.** Психея в творчестве М. Цветаевой: эволюция образа и сюжета: дисс. ... д. филол. н. Тарту, 2005. 165 с.
2. **Радь Э. А.** История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: монография. М.: ФЛИНТА; Наука, 2014. 276 с.
3. **Цветаева М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 1. Стихотворения. 640 с.
4. **Цветаева М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 2. Стихотворения. Переводы. 592 с.
5. **Цветаева М.** Собрание сочинений: в 7-ми т. / вступ. ст. А. Саакянц; сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1995. Т. 6. Письма. 800 с.
6. **Швейцер В. А.** Марина Цветаева. Изд-е 3-е. М.: Молодая гвардия, 2009. 591+1 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биограф. Вып. 1180).

MOTIF OF OVERCOMING PASSION IN CYCLE “COMEDIAN” BY MARINA TSVETAeva (PART II)

Mokshina Svetlana Rifkatovna
Bashkir State University (Branch) in Sterlitamak
S-Ibragimova@yandex.ru

The article analyzes the poetic cycle of Marina Tsvetaeva “Comedian”. The author pays special attention to the fact that the lyrical heroine overcomes sinful passion and becomes again the Poet-Psyche, Soul, facing the Conscience. The novelty of this study is that the cycle “Comedian” is considered and analyzed as a single text, and not as a series of separate poems, united by a common theme.

Key words and phrases: poetic cycle; body; soul; motif of overcoming passions; evolution of lyrical heroine.

УДК 811.512.37

Филологические науки

В статье рассматриваются крики и звуки, которые издают животные и птицы; указывается, что домашние животные и птицы (овца, верблюд, лошадь, гуси и др.) издают звуки, характерные только им. Это наглядно показано на материале пословично-поговорочной лексики калмыцкого языка. Этот пласт лексики исследуется впервые. Рассматриваемая лексика активно используется в разговорной речи и в художественных произведениях калмыцких писателей.

Ключевые слова и фразы: пословично-поговорочная лексика; калмыцкий язык; семантика; глаголы звучания; звукоподражательные слова.

Монраев Михаил Убушаевич

Калмыцкий государственный университет
monraev@mail.ru

О КРИКАХ И ЗВУКАХ, ИЗДАВАЕМЫХ ЖИВОТНЫМИ И ПТИЦАМИ В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ[©]

Данный пласт лексики в калмыцком языке рассматривается впервые. В «Калмыцко-русском словаре» под ред. Б. Д. Муниева (далее – КРС) базовая лексема *хэкрх* является доминантой среди слов, близких по семантике, и имеет значение «кричать, вопить, восклицать» [6, с. 586]. Это могут воспроизводить и люди, и животные, и птицы. Вот наглядный пример из романа К. Эрендженова «Налан хадл» («Береги огонь»), в котором четко определены слова, издаваемые домашними животными: *Укрмүд мээрлэдэ, мэрд инцхэлдэд, хэд мээлдэд, нохас уульн хулдад – ниргэд одухав* [14, с. 136] / Коровы замычали, лошади заржали, овцы заблеяли, собаки, завывая, лаяли – все вокруг загалдели, зашумели (перевод М. У. Монраева). Так народный писатель Калмыкии К. Эрендженов одним предложением показал картину чудовищной депортации калмыков в Сибирь. Даже домашние животные (лошади, овцы, коровы, собаки) – и те, каждый по-своему относятся к трагедии народа. Такая картина наблюдалась во всех 132-х хотолах Калмыкии 28 декабря 1943 г.

Спустя многие годы, когда депортированные калмыки вернулись на родину, они вспоминали, как собаки, жалобно завывая, бежали за машинами (позже выяснилось – это были большие американские студебеккеры) до самой железнодорожной станции, откуда их отправляли в Сибирь. Об этом свидетельствуют картины О. Кикеева, К. Олдаева и др. Авторы работ были депортированы в Сибирь. Им было 7-8 лет. Это свидетельство детской памяти, которое останется до глубокой старости.

А вот как эта лексика отражена в сказке К. Эрендженова: *Ик удан болсн уга: лу, моһа, мэрн, хэн, мэчн, така, ноха, хаха, хулһн, үкр, бар күржэңнэд, эжилвкэд, инцхэлэд, мээләд, чишкэд, хэкрэд, күрэд ирв* [15, с. 137] / Прошло немного времени, как дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, курица, собака, свинья, мышь, корова, барс приблизились, издавая грохот, ржание, блеяние, крики и т.д. (перевод М. У. Монраева). Метко подмечено, что дракон может «грохотать», змея «увиваться», лошадь «ржать» и др. В данном примере отражены наблюдательность народа, их отношение к домашним животным. В конечном счете, количество скота определяло социальное положение номада-кочевника в обществе.

Рассмотрим несколько примеров, извлеченных из различных источников, в которых отражены характерные крики и звуки, связанные с животными и птицами. К данной тематической группе относится достаточно употребительное слово *доңһдх* (словарную статью на *доңһдх* см. КРС. Видимо, данное слово имеет и другие значения, скажем, переносное значение), которое имеет несколько значений: 1) петь, кричать (о птицах); ворковать (о голубях); гоготать (о гусях): *Налун нег доңһдхла, хавр ирдг.* / Когда один раз крякнет гусь, то приходит весна [6, с. 207]. *Ода хойр минут болад дорд-нутгин зэң соңстн, – гиж күңкисн Левитана дун күмиг дэжнэс догдһлла* [8, с. 16] / Через две минуты слушайте новости Родины, – звучный сильный голос Левитана вновь взволновал сердца людей. *Такан ажрһнһ эңдр деер һарад доңһдад дуулна* / Взлетел петух